

Тургенева в крестьянской среде»⁴². Подтверждающие примеры он видел в «бессмертных типах» Калиныча, Касьяна, Лукерьи и главным образом в «Певцах».

Эти искажающие сущность тургеневских воззрений на народную жизнь и поэзию суждения были подхвачены в советское время адептами вульгарно-социологической критики, почти неизменно смыкавшейся в своих воззрениях с выводами реакционной критики. Наиболее типичной в этом отношении явилась статья Т. К. Ухмыловой «Тургенев и крепостничество»⁴³, в которой почти всецело повторены утверждения Истомина об «идеализации Тургеневым смирения, как основной черты народного духа». Так как Ухмылова также призывала «покончить» с «ложным впечатлением», будто «Записки охотника» — книга о крепостном крестьянстве.

Наиболее же отчетливо, по мнению автора, «крестьянская пассивность» выразилась в «Певцах»; в них исследовательница «сумела» увидеть идеализацию тех песен, которые «не заражают действенно», а напротив, «размагничивают» и «создают лирически-пассивное настроение»⁴⁴.

Статья Т. К. Ухмыловой — последний этап в истории искажения подлинного смысла великолепного шедевра Тургенева и одного из замечательнейших созданий всей русской литературы. В дальнейшем изучение Тургенева пошло по другому пути. Только после разгрома тормозящей развитие советского литературоведения вульгарно-социологической «школы» стало возможным правильное, основанное на глубоком марксистско-ленинском анализе исторической действительности, понимание Тургенева. Советское литературоведение последних лет установило подлинную научную точку зрения на творчество Тургенева, его общественный смысл и значение. В свете этих новых изучений установлено — вернее, восстановлено — значение «Записок охотника» как боевой, воинствующей книги, тесно связанной с заветами Белинского и Герцена; восстановлено и значение «Певцов». Как совершенно правильно формулировал И. В. Сергиевский, «если выбросить из «Записок охотника» «Певцов» или «Бежин луг», значит обезглавить их». «Именно в этих рассказах, — пишет он далее, — с наибольшей, быть может, силой проявилась специфика тургеневского показа крестьянского мира. Тургенев увидел не только его нищету и обездоленность, его подавленность и забитость, не только его теневые стороны, порожденные крепостническим произволом и угнетением, но и еще что-то: его внутреннюю красоту, внутреннее благородство чувствований и переживаний...»⁴⁵.

Однако отдельные рецидивы вульгарно-социологической концепции и трактовок наблюдаются в некоторых работах и до сих пор. Так, например, М. К. Клеман считал, что «Певцы» и «Бежин луг» перебивают основную линию «Записок охотника», и в них старательно обходитя вопрос об отношениях крестьян и помещиков. Это утверждение, впервые высказанное в его книге о Тургеневе (1936)⁴⁶, повторено и в последней работе его (1941), где вновь «Певцы» рассматриваются как отходящая от реалистического изображения «идеализация действительности»⁴⁷. Влияние вульгарно-социологических трактовок сказывается и на отрицании, прямом

⁴² Там же, стр. 76. К. Истомин имеет в виду, по всей вероятности, статью А. Барсова «Литература после Гоголя», в которой и сами исполнители песен (в «Певцах») и слушатели, собравшиеся в кабаке, характеризуются как «романтики» («Педагогический сборник», 1904, № 2, стр. 135) и отнесены к «отрицательным» типам (там же, стр. 127).

⁴³ Сб. «И. С. Тургенев», изд. Коммунистической академии, Л., 1934.

⁴⁴ Назв. сборник, стр. 86, 91 и др.

⁴⁵ И. В. Сергиевский, Мотивы и образы Тургенева, «Литературный критик», 1938, № 11, стр. 18.

⁴⁶ М. К. Клеман, И. С. Тургенев, Л., 1936, стр. 57.

⁴⁷ «Ученые записки Ленинградского государственного университета», т. 76, Л., 1941, стр. 126.